

Кама

Аркадий Гайдар

Ты хочешь спать после долгого летнего дня, после сутолоки, гулко-го эха паровозных сирен, утомившаяся от тяжелого хода груженных барж, крика и гомона купающихся комсомольцев и несмолкающего плеска весел подлунных лодчонок, на которых две тени — два пятна и у которых плеск воды смешивается с звонким смехом, а смех с шепотом о том, что старо, как мир и как ты сама. Ты устала, старая, седая Кама. Уснули уже пропахшие солнечной смолой пристани, успокоились бунтующие высокими травами берега. Насупив поседевшие брови, застыл скованный снежными туманами лес. Ушли по домам матросы, и потушены паровозные огни.

Рабочий день окончен.

Товарищ! Не поворачивайся назад. Забудь на минуту, что за тобой город, у которого антенны перекликаются с Москвой, забудь про то, что в стороне трубы Мотовилихинских заводов стволами зенитных орудий направлены к небу... Подойди вплотную к Каме, по которой мертвые льдины плывут и сталкиваются, сталкиваются и хрустят и опять плывут дальше. Посмотри на серый простор убаюканной снегами реки, на другой берег, где Закамский поселок деревянными избушками приткнулся к лесной орде, спускающейся к берегам, где туманы прячут лесные горизонты, а дымок избяных печей смешался с инеем смолистых сосен. И на тебя пахнёт курным запахом древней, затерявшейся в медвежьих просторах Руси...

Чу... далеко... далеко... над сонными плесками — волчий вой... протяжный, долгий. Тот самый, от которого овцы в соломенных клетях жмутся пугливо, а цепные собаки выставляют головы из деревянных конур, скалят зубы и ворчат сердито...

Нет! — зачем говорить неправду. Это вовсе и не волк, это ревет гудок паровоза... пробегающего по берегу из Мотовилихи на Пермь II-ю.

Правда, рев похож, но все же это уже не совсем то.

А на высоком левом берегу — город, внизу — склады, пристани. И дикая Кама не любит левый берег, потому что он командует над рекой, потому что после первых весенних льдин он навязывает ей свою волю окриками грузчиков, гнущихся под тяжелыми мешками, сигналами красных флажков, летающих над райкомводом, и тяжестью тысячестволовых плотов, пускающихся по реке книзу.

А Кама не любит терять волю стальных волн и злится бессильно, побеждаемая беспощадным обстрелом сухих телеграмм:

«Пермь... Камплесотрест... Промкомбинат... Сельхоззаводу присылайте...
получайте».

Но теперь до весны... до пьяно-ласкового солнца, до журавлиных клетотов,
которые высоко, высоко, — а аэроплан выше, — Кама спит.

Газета «Звезда» (Пермь),

22 ноября 1925 года